

ВЕРНОСТЬ НАРОДНОМУ ТАНЦУ

ЛЮДИ ИСКУССТВА

...Мы шли с Зебо среди тускло-го однообразия крупнопанельных домов, и вдруг она сказала: «Чувствуете, как пахнет весной?». Этой фразой она словно оторвала меня от прозаической обстановки, повергнув сразу в мир звонких детских голосов, повисших в чистом февральском воздухе.

Вот так и танец из обычной жизни поднимает и уносит тебя в иной мир, в котором густы краски радости бытия.

Впервые мне довелось увидеть танец Зебо лет десять назад. Было это весной в Ленинабаде на слете девушек. После официальной части был концерт, и когда ведущий объявил, что танец «Бахор» исполняет артистка республиканского театра музыкальной комедии Зебо Амин-заде, я с нетерпением ждал, когда же распахнется занавес: мне поскорее хотелось увидеть дочь известного поэта, стихи которого я знал, и сестру поэтессы, с переводом стихов которой был знаком. Сама же Зебо незадолго перед этим получила Золотую медаль на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии.

И вот стремительно выпорхнула на сцену вся в белом хрупкая грациозная девушка. Зал замер. Чувствовалось: здесь ее уже знают, любят. Даже через годы память сохранила особую чистоту и лирику движений, ту отточенность и скульптурность, которые бывают только в художественно совершенном танце.

Как часто потом, смотря по телевизору концерты мастеров искусств нашей республики, я надеялся на новую встречу с Зебо. Не знаю, не везло ли мне, или сыграв в далеком Ленинабаде номера с ее участием было сложным делом, однако концерт Зебо Амин-заде увидеть так и не довелось. Но из разговоров узнавал, что она работает в театре, сыграла много ведущих ролей, танцует. А совсем недавно старший оператор таджикского ТВ Л. Слободкин сказал: «Ты интересовался Зебо Амин-заде — мы сняли два номера, посмотри завтра».

Смотрю сборный концерт, снятый на цветную пленку. У Зебо два танца. Первый — Рамы из спектакля «Рамаяна», идущего на сцене театра имени Пушкина. Характер движений, пластика — все индийское, придаться, как говорится, не к чему. Вот Рам берет в руки лук, вот чатгиивает тетиву, вот резко дернулись руки, стрела пуценна. И все это в ритмике танца, не обывательное, не сниженное до внешнего правдоподобия. Удивительная грация, чувство меры танцовщицы.

А восточный танец, совсем иной по рисунку, непохожий по движению, но такой же изысканный, выразительный.

— Как я стала артисткой? — с улыбкой спрашивает Зебо. — Можно сказать, я родилась и выросла в театре. Здесь работала моя бабушка — Каромат Закирова, народная артистка республики, здесь работал мой отец — он был одно время завлитом театра, перевел на таджикский язык немало пьес, которые поставил наш театр, здесь работает моя мама, Ойдиной Урманова, тоже народная артистка республики. В репертуаре театра есть спектакли, в которых играла в свое время бабушка, потом мама, а теперь я. Например, спектакль «Нурхон» по пьесе К. Яшера. А в «Халиме» играли мы с мамой вместе — она была главной исполнительницей, я — дублером.

Впервые я вышла на сцену в семилетнем возрасте. Было это на гастрольях, я обычно ездила с мамой и однажды в концерте исполнила два танца — «Тановар» и индийский. Так я стала выступать. Зрителям танцы мои нравились, мне говорили, что в районах даже просили, чтобы мои номера обязательно были в программе. В девять лет уехала учиться в Московское хореографическое училище при

ГАБТ СССР, где под руководством Елены Николаевны Жемчужиной четыре года изучала классический балет. На каникулы приезжала домой, это было, как правило, время гастролей Пушкинского театра, и я опять выезжала с мамой, снова танцевала таджикские и восточные танцы.

Но теперь я стала требовательнее. Любила национальные танцы, чувствовала, что это мое призвание и понимала: чтобы хорошо их исполнять, надо заниматься ими всерьез. Не профессионалу трудно уловить огрехи у исполнителей народных танцев, пришедших из самодеятельности. Но народный танец нуждается в шлифовке и, чтобы его сохранить и развить, нужна хореографическая подготовка. Я решила перевестись в Ташкент, в хореографическое училище, где было отделение народного танца. Через три года, в шестьдесят пятом, закончила училище и, несмотря на приглашение работать в «Бахоре», осталась верной своему театру.

От актера театра музыкальной комедии требуется многое — он должен уметь петь, танцевать, быть драматическим артистом. И то, что в целом ряде спектаклей — «Нурхон», «Халима», «Босая птица», в «Крушении обычаев», «Чертовом племени» З. Амин-заде исполняет главные роли, говорит, какую огромную работу над собой проделала актриса, чтобы подняться до уровня ведущих мастеров этого театра. Ведь все-таки она пришла в театр не после окончания ГИТИСа.

Мне подумалось, что любимая роль для Зебо — семнадцатилетняя Окгуд из пьесы туркменского драматурга Г. Мухтарова «Чертовое племя». Казалось, только ей и играть современницу, через бодь поднимающуюся на нравственную высоту. И пьеса интересная.

— Мне нравится эта пьеса, — соглашается Зебо. — Но самая моя любимая роль — Халима. Потрясает безысходная судьба девушки из прошлого, которая идет четвертой женой за нелюбимого человека, а тот, кому отдано сердце, гибнет от рук власти мучиц. Чистая и хрупкая Халима не выдерживает всего этого, моего героя сходит с ума, а в душе зрителя, потрясенного силой любви и глубиной переживания, рождается глубокое чувство сострадания.

Но как бы ни были значительны ее достижения как драматической актрисы, все же главное для нее — искусство танца. Она просто по натуре своей — танцовщица, танец — ее стихия. И в спектаклях она часто занята в ролях, связанных с танцами. В «Цыганах» по А. Пушкину она играет Азу и соответственно исполняет цыганские танцы. А в «Мещанине во дворянстве» у нее целых три танца — испанский, турецкий, восточный. Иногда танцы в ее исполнении включаются в спектакль как дивертиментные номера. В ее репертуаре афганские, индийские, пакистанские, уйгурские, арабские танцы, не говоря уже о танцах народов Средней Азии. Мы говорим с Зебо о танцах, наиболее близких ей по духу.

— Тут все сложно, — подумав, говорит она. — Я очень люблю характерные танцы, особенно — кавказские — за темперамент, огонь, движения. Как понимаете, это мужские танцы. Женские у кавказских народов иные — гордые, внешне холодные, несравнимо беднее по движениям с мужскими.

— Но мужские — сложно танцевать? — Конечно. «Лезгинку», например, особенно. Обычно ведь ее танцует мужская группа — один танцор пока-

зывает какой-то один трюк — и уходит. А тут надо одной сделать все — и на поскоках покрутиться, и движения рук передать, выполнить все другие сложные элементы танца. Это просто физически тяжело, не говоря о технической сложности. Но все равно с удовольствием танцую «Лезгинку». За темперамент люблю испанские, мексиканские и цыганские танцы.

А Восток — он просто близок мне. Особенно люблю индийские танцы. Но ставить их — очень сложно. Могу сказать откровенно, к сожалению, мы не можем танцевать их по-настоящему. Потому что каждое движение в индийских танцах что-то обозначает. А у нас нет школы, нет специалистов по индийскому танцу. Как, например, мы ставили танец Рамы? Внимательно присматриваясь к исполнению танцев индийскими артистами, просматривая рисунки, мы искали внешнего правдоподобия индийской пластике и образу в целом. Так, по совету мамы, мы удлинили пальцы, нанесли движения с пуском стрелы. Мне кажется, что в своем понимании индийского танца я чего-то достигла. Но этого мало. На днях собираюсь в Москву — у меня там учится в аспирантуре подруга, а у нее — есть подруга-индианка, которая учится у нас, но она еще занимается и танцами. Мы познакомились, и она согласилась помочь мне.

— А из таджикских танцев что вам больше по душе?

— Опять же, мужские танцы. Например «Туена», «Ларзон» (в переводе, говорит Зебо, — дрожание), «Занг» (и поясняет — колекольчик), «Муноджат» — классический танец, «Рохат» — узбекский, «Шахло»...

Обычно сложившиеся артисты охотно называют всех своих учителей, тех, кто помогал им расти. Но всегда и все ли преподаватели дают ученику то, что он ждет? Зебо говорит, что были в ее жизни и такие педагоги, которые добросовестно делали свое дело — не больше. А вот о балетмейстере театра, Рамзие Баккал, говорит с большим теплом. Еще школьницей, до хореографического училища, она занималась у нее в Доме пионеров. Рамзия Баккал обнаружила и поддерживала талант Зебо, а после окончания училища они встретились уже в театре и вот много лет работают вместе.

— У меня в театре работает племянница — Эльзара Асанова, она училась вместе с Зебо и тоже профессиональная, не самодеятельная танцовщица. Но я ей всегда говорю — учись у Зебо! Правда, искусство дороже родственных отношений, — шутит Рамзия. — Нет, нет, Эльзара — неплохая танцовщица, но у Зебо — особый талант.

...Те два танцевальных номера, которые были сняты телевидением в прошлом году, словно открыли запово З. Амин-заде многим. На телевидении решено снять фильм-концерт о ее творчестве.

— Кажется, еще одна моя мечта начинает воплощаться в жизнь, — сказала Зебо.

— Есть и еще? — Есть, — улыбнулась она. — Но пока надо сделать эту важную работу. А дальше — видно будет!

Ну что ж, успехов вам, Зебо!

В. ЛЫСЕНКОВ.

НА СНИМКЕ: заслуженная артистка Таджикской ССР Зебо АМИН-ЗАДЕ.

Фото В. ВЯХИРЕВА.

8 марта 1978г.

КОММУНИСТ ТАДЖИКИСТАНА

г. Душанбе

8 МАР 1978